

СВЕТЛАЯ КНИГА

от она стоит передо мною, эта книга. Я вижу свое отражение в глянцевом переплете. Облачком парит в левом углу слово «Отечество». Вправо по диагонали давно знакомое и родное — «Василий Белов», а в следующей строчке живительное, как удар сердца, короткое — «Лад». Опубликованные в журнале «Наш современник» в 1979—81 гг. «Очерки о народной эстетике» собраны под одной обложкой с некоторыми сокращениями и дополнениями. Рука не спешит раскрывать книгу, давая возможность душе еще и еще раз полюбоваться прекрасным оформлением.

Прямо с обложки глядит милая девочка-пастушка с сучковатым и кривым батошкой в руке, замороженная мерцающим глазом фотокамеры Анатолия Заболоцкого, который на протяжении всей книги остается верен любви к нашим северным просторам, к людям самым обыкновенным.

Произведения В. Белова всколыхнули душу кинооператора студии «Мосфильм» Анатолия Заболоцкого. Родство чувств и мыслей повязало ранее незнакомых людей. И вот первая возможность, если не увидеть автора «Привычного дела», то побывать на родине его героев. Анатолий Заболоцкий вместе с Василием Шукшиным приезжали на Вологодчину снимать кинокартину «Калина красная», потом он ведет съемки фильма «Целуются зори» по сценарию Василия Белова. Здесь

духовное родство художников переросло в творческую дружбу.

Мне вспоминается плавание на пароходе «Т. Г. Шевченко» в Тотму во время киносъемок. С каким восторгом, жадностью, жалостью (что нельзя все заснять на пленку) смотрел Анатолий Заболоцкий. Восхищало его все: величавый лес по берегам, облака, купающиеся в реке, деревни с пламенеющей в окнах зарей, клубящийся туман, луна, плывущая над зубчатым темным лесом, высвеченный ею остов церкви на горе, — все будоражило его пытливый взгляд и волновало душу. «Поразительная красота!» — восклицал он. А люди, их лица с ярко выраженным характером влекли Анатолия Заболоцкого с неодолимой страстью. И казалось, дай ему волю — забудет, что в сутках двадцать четыре часа, что за это время человек должен минимум два раза поесть и в меру поспать.

Таким я увидел Анатолия Заболоцкого во время съемок кинофильма и таким представлял себе в работе над книгой Василия Белова «Лад». Два года самозабвенного труда. Не одна тысяча фотографий, из которых 230 легли на страницы книги, пластично вписываясь в полотно художественного произведения.

Чуткая душа и зоркий глаз художника замечают красоту во всем, чем полны природа и быт сельского человека: будь то сложенные березовые кряжи с истружшей сердцевиной или васильки во ржи, растресканные сучковатые торцы амбарных бревен или стройная ледяная сосулька на краешке гнилой доски, журчащий по камешкам ручеек или забытые и заросшие травой выездные сани, кружево паутины в углу сарая и камень-валун в поле с нимбом ромашек, не говоря уже о картинах, на которых запечатлены раздолье и ширь северной Руси. И лица, лица людей... целая галерея, быть может, прообразов героев писателя. Сколько

мыслей и дум навевают они, когда вглядываешься, сравнивая, и чарует одухотворенность и поэзия крестьянских ликов на картинах А. Венецианова, и сжимают сердце виды семейных фотографий. Невольно приходят на память слова Н. Рубцова:

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!

А еще раньше, у самого автора «Лада» в поэме «Старая гармонь» не менее печально отмечено:

Пожелтели карточки на стенках
В самодельных рамках без прикрас.
И в сосновых ваших деревеньках
Поредели улицы без вас.

Счастливое сочетание слова и фотоизображения делает книгу особенно привлекательной и ценной.

...Открываем книгу: вот окно избы в Тимонихе, где родился и вырос Василий Иванович Белов. Резные наличники с подвесами и кистями празднично украшают небольшую раму с перекрестием. Морозные узоры на стекле вызывают воспоминания детства, будят неспешные мысли о жизни. Распахнутые ставни делают окно похожим на раскрытую книгу. Этот образ окна-книги, открытого в мир, глубоко символичен, что подтверждает последняя страница «Лада», где запечатлена фотография того же окна, но в другое время года.

Окна... Окна... Их много в этой книге. И если глаза — зеркало души человека, то деревенские окна — глаза России. Чем дольше в них держится жилой свет, тем спокойнее за будущее от путеводного огонька, так страстно воспетого Николаем Рубцовым:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

* * *

Доброй душой стала для меня эта светлая книга «Лад». Чтобы объяснить, почему, — начну со слов Алексея Михайловича Кренделева из Харькова: «Жизнь крестьян русской деревни, особенно дореволюционной, наша литература, в том числе и художественная, иногда изображала примитивно». Не разом и я пришел к подобному выводу. Идя по жизни от букваря и до университетских учебников, уже начинал, было, верить, что «сиволапый» мужик не может быть источником и образцом великой нравственности, что «мелкобуржуазная сущность» его вырабатывает звериные инстинкты, так ярко выраженные у Гаврилы в «Челкаше». Такие посевы в моем сознании кустились вместе с «сорняками» — сомнениями, которые закладывались дедом и бабушкой, отцом и матерью. Их слова, а более всего высоконравственные поступки расходились с официальными прописными утверждениями. Эта тяжба с самим собой, наверное, была приметой возраста и времени, в котором «ковался новый человек».

Живи бы я в деревне, раздвоение чувствовалось бы меньше, но в тяжелом тридцать третьем отец вывез нас на фабрику Печаткино, спасая от голодной смерти. Мы стали поселковыми и потом городскими. Время от времени старики наезжали к нам — будто из другого мира, но не главного, а второстепенного, почти отсталого,

потому что слово «деревня» уже стало ругательным. И когда я заполнял анкету при поступлении в школу ФЗО, то в графе «социальное происхождение» старательно и гордо вывел «из рабочих». Это звучало так: мы не какие-то там отсталые колхозники, а передовой рабочий класс, — знай наших!

Ложный стыд за отца и мать, потомственных крестьян, я осознал, естественно, не по прочтении книги «Лад», которая явилась просто толчком для исповеди, а очень давно, когда мысль потянулась к осознанию себя и своей родословной, когда стали мало-помалу определяться ценности истинные и мнимые, когда, наконец, пришло понимание, кому было надо это социальное противопоставление.

Не знаю, бывает ли такое с другими, но книгу, подобную «Ладу», я ждал много лет и был уверен, что она появится... Должна появиться. «Книга не случайно называется «Лад» и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни. Она была задумана как сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике. При этом я старался рассказать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам, либо знали и пережили близкие мне люди. Хорошая половина материалов записана со слов моей матери Анфисы Ивановны Беловой», — сообщается от автора.

Ясно, что задумана она давно, но (такова жизнь) написать и опубликовать эту работу Белов смог лишь только после «Привычного дела», «Канунов» и других произведений. Ценность этого труда не в фамильной известности автора, а в ее исторической необходимости — природной потребности человека знать свое изначальное.

Жизнь на Руси начиналась не с белокаменных соборов (они возникли позже) и не во чреве мраморных дворцов, а с деревенских изб. Там начало судьбы наро-

А. Рачков и В. Белов

да, там начало многих из нас. Хорошо и проницательно сказал Александр Романов:

Имба хоть выгядит и просто,
Да в ней не так-то просто жить.
Она веков минувших память,
Она судеб отцовских суть.
И если с прошлым полукавить,
Легко в грядущем обмануть.

Вот почему (я повторяюсь) книга «Лад» — историческая необходимость. В ней без лукавства, со знанием дела, народным поэтическим языком автор рассказывает для живущих и грядущих поколений «об эстетике крестьянского труда, о быте, о промыслах, о народном фольклоре».

«Знание того, что было до нас, — пишет В. Белов, — не только желательно, но и необходимо. Но нельзя воспитывать в себе эти высокие нравственные начала, не зная того, что было до нас. И будущим поколениям будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам сейчас необходим опыт людей, которые жили до нас».

Книга и служит этой цели. В ней тесно словам и просторно мыслям. Автор уверяет, что читатель по каждому разделу может дополнять сам, но занятие это трудное, ибо сказать конкретнее того, что сказано — невозможно. И все-таки каждый заинтересованный читатель, безусловно, дополняет написанное В. Беловым, но как?

«Нельзя забывать, что в старину многие люди считали божьим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой», — пишет В. Белов. Посылка автором сделана, и мысль заработа-

ла: «А сейчас?» И в памяти сразу всплывут разговоры о машине, заграничном гарнитуре, коврах, двухэтажной даче за высоким забором, о должности, но не о работе...

Вот такие, например, аналогии возникают при чтении «Лада», но у каждого читателя они, разумеется, свои — в этом богатство и сила произведения.

Явление чрезвычайно редкое, если не сказать — единственное в своем роде, «Лад» — книга по сути своей интернациональная. Философия ее до предела проста и конкретна: описан жизненный круг крестьян Русского Севера, круг судьбы человеческой «от рождения до могильной травы». Нет сомнения, что жизнь любого народа планеты «вписывается» в подобный жизненный круг с учетом своего национального характера и природных условий.

Кстати, о национальном характере специальной главы в книге нет. А содержание «Лада» всей сутью и каждой деталью раскрывает национальный характер. Да простятся мне обширные выписки — очень уж они примечательны!

«На окнах русской избы в старые годы не вешали занавесок. В северных деревнях заборчики перед окнами, садики и палисадники вошли в моду не так давно. Посаженные деревья черемухи, рябины, березы прежде не огораживались... Пьяницы и ленища, как называли лодырей, не могли иметь стабильности в крестьянском быту... Рубахи на груди рвали одни пьяные дураки...» В праздники «мужчинам наливалось по рюмке водки, женщинам и холостякам по стакану пива». В гостях «больше всего боялись выпить лишнее и опозориться... Конечно же, отношение к детям и старикам всегда зависело от нравственного уровня всего общества. Вероятно, по этому отношению можно почти безошибочно определить, куда идет тот или иной народ и что ожидает его в ближайшем будущем... В том и соль, что в на-

роде никому и в голову не приходило противопоставлять женщину мужчине, семью главе семейства, детей родителям и т. д. ... В жизни северного русского крестьянина труд был самым главным условием нравственного равноправия».

На встрече в МГУ В. И. Белова попросили назвать черты национального русского характера. Он назвал две — доброту и терпеливость. Терпеливость, пояснил при этом писатель, не нравится европейцам, поскольку они этого чувства не понимают. Да, но понимают ли доброту? Мне сразу вспомнился еще «карточный» 1947 год. В Соколе многие военнопленные немцы уже ходили без конвоя, и один из таких зашел к нам. Мама плела. Белоснежные кружева в нашем бедном восьми-метровом жилище, судя по всему, удивили его. Но вскоре он опомнился и протянул к маме руку:

— Матка, пэрстэн... Гут...

Немец вертел в бледных пальцах серебристое кольцо с квадратным утолщением и глухо прищелкивал языком. Лицо худое, без подобострастной улыбки, тело тощее, длинное, китель с нашивными карманами вытерт до блеска, но застегнут на пупырчатые серые пуговицы до самой шеи. На ногах матерчатые башмаки на деревянной подошве, в левой руке неопределенного цвета пилотка. Детали запомнились потому, что я сравнивал, кто из нас лучше одет. Мы пайки свои все съели, и только у мамы в пальцах (мы знали) под кутузом был кусочек, который она всегда приберегала для самого младшего из нас. Я сверлил немца глазами, но он не глядел на меня.

— Не надо мне никакого перстня, — сказала мама и приподняла на пальцах подушку.

Я вскочил, но немец не двинулся: видимо, голод отучил его от страха.

— Мама! Ты что? Он же убил моего отца!

Вытолкать немца из комнаты я мог, но не сделал этого. И не из жалости к военнопленному: глаза мамы просили не трогать его. Немец схватил дрожащей рукой последний в нашей семье кусок хлеба, уронил на пол пилотку и протянул настойчиво руку с перстнем. Мама замахала на него:

— Не надо, не надо. Иди с богом...

— Матка, найн. Хлэб... пэрстэн мэнайн. Я ныщий нэт...

Немец не хотел быть нищим. Он гордо оставил перстень на углу стола, как равноценную мену.

— Ну какой же он убийца,— сбивала мой гнев мама,— еле душа в теле...

Сейчас этот перстень лежит у меня в коробочке вместе с хлебной карточкой иждивенца, как реликвия, и напоминает о бесхитростной доброте русской женщины.

Немца корбило положение нищего, в котором он действительно находился, и не хотел признавать этого. А на Руси существовало такое «сословие» — от несчастий никто не застрахован. И о нищих В. Белов пишет со свойственной ему теплотой. «Бывала на Руси и такая профессия! Необъятность бытового разнообразия, терпимость народной молвы допускали ее существование. Люди были снисходительными к таким редким нравственным отклонениям, как профессиональное нищенство, к тому же в чистом виде оно встречалось весьма редко. Не подать милостыню считалось у русских величайшим в мире грехом». Что грешно — то стыдно, а, по утверждению В. Белова, «стыд — одна из главных нравственных категорий, если говорить о народном понимании нравственности».

И не удивительно, что роман «Кануны» начинается с нищего, с кривого Носопыря, ремесло которого так неожиданно ловко решил использовать Игнаха Сопро-

нов в последней главе. А мы помним, что Носопыря везде привечали, приглашали за общий стол, не остерегались в слове при «божьем человеке». Игнаха Сопронов, конечно, об этом знает...

В наше время исчезла не только эта профессия, но и многие другие, даже необходимые в современном жизненном укладе. Ну а что касается нищих, нельзя сказать, что их совсем не стало, просто произошла некоторая «модификация», вырождение на «высшем» уровне в бичей, например, питающихся не именем Христовым, а подаяниями временной удачи.

* * *

Отраднo чувствовать в «Ладе» отзвук своей души, духовную сопричастность творениям наших далеких предков, родственность мироощущения с ними. Нельзя без восторга и гордости читать главы «О народной скульптуре», «Изуграфы», «Рожденный неповторимым», потому что явственно ощущается величие народа, к которому ты принадлежишь. Отраднo вместе с автором пересмотреть иные расхожие еще в недавнее время представления. Разве мог безграмотный народ создавать шедевры мировой культуры! Правда, сейчас уже опрометчиво говорить о беспросветной безграмотности русского народа в старину — историческая наука вносит свои поправки.

В газете «Правда» от 24 января 1983 года опубликована статья В. Янина, начальника Новгородской археологической экспедиции, члена-корреспондента АН СССР, «Открытие древнего Новгорода». Я далек от мысли, что истине, которую утверждает В. Белов, нужна охранная грамота, извлеченная из-под развалин древнего Новгорода, но все-таки приятно, когда «голос» далекой эпохи прозвучал «за».

«Уже само обнаружение многих сотен берестяных грамот в корне изменило установившееся прежде мнение о якобы поголовной неграмотности населения Древней Руси. Авторами грамот оказались не только горожане, но и крестьяне. Обнаружены письма, написанные женщинами, что служит ярким показателем высокого уровня грамотности.

Не меньшую важность имеет открытие многочисленных проявлений высоко развитого эстетического вкуса простых горожан. Новгородцы стремились украсить буквально все предметы бытовой обстановки, вплоть до мелких предметов обихода. До обнаружения этих материалов хорошо известные прежде шедевры новгородской архитектуры и живописи казались цветами, выросшими на пустыре. Сейчас очевидно, что искусство Новгорода питалось живительными соками развитого общественного вкуса».

Как чудесно! Все черные наветы на наше прошлое как ветром сдувает, стоит только поглубже копнуть. И тут земля-матушка щедро откликается на здоровое любопытство людей целительным урожаем. Поистине удивительный «жизненный круг»! Ясно, что археологи будут раздвигать горизонты, открывая новые страницы русской истории и культуры, тем самым подтверждая ту мысль В. Белова, что «красота в мире — это разнообразие, непохожесть. Мысль о том, что человечество якобы составляет толпа серых и одинаковых людей, руководимых отдельными исключительными и яркими личностями, — такая мысль исключает красоту и противоречит эстетике».

* * *

Приехала, по обыкновению, ко мне в гости мама, и я дал ей «Лад». Поглядев на обложку, она торжественно произнесла:

— Какая светлая книга!

И стала листать «Лад», а я сел рядом, готовый слушать комментарии. А то, что они будут — я не сомневался. Тем более что со многими произведениями В. Белова мама знакома, с автором тоже. К печатному слову она относилась с уважением, в правдивости Белова тоже не сомневалась. Не могу не упомянуть такой случай. Прочитала мама «Кануны» и долгое время находилась под впечатлением. Она будто наяву увидела всю тогдашнюю жизнь и себя в ней. Видимо, так запало все ей в душу, что при встрече с Беловым не удержалась, спросила:

— Вася, ведь по возрасту-то ты еще молодой, так как все это увидел? Уж истая-то правда описана. Прямо диво!

Белов смутился от столь неожиданного вопроса.

— Ну, не так уж я и молод. Сам многое застал и увидел, а остальное мама рассказала, близкие знакомые да архивные документы...

А мама листала книгу, вглядываясь в цветные фотографии, читая вслух заголовки и подзаголовки, комментируя не столько произведение, сколько при помощи его рассказывала о своей жизни. Такой исповеди, признаться, я не ожидал. С особым оттенком в голосе она произносила слова — поскотина, избушка, сеновал, гумно, амбар, баня, дом, двор.

— Какое счастье иметь свой дом! Больше пятидесяти лет прошло, как лишилась его, а забыть не могу. Иногда увижу во сне и сердце зайдет от горечи. Думаю, лучше бы и не просыпаться. Все-то эти годы прошли в сплошном скитании по казенным квартирам, где душа твоя, словно в темном углу от кого-то все время прячется.

Я знаю вечную тоску мамы по «родному гнезду», но

вот такие слова услышал впервые. Мне-то казалось, что она вполне довольна благоустроенной квартирой. Эх, как горько стало...

А когда добрались до главы «Застольщина», я выборочно стал читать вслух о том, например, как хлеба пекли.

— Диво, как складно, — радовалась мама. — Так все и припомнилось сразу. А молодяжка этого уже не помнит и не знает. А ведь какая радость-то была в этом: чистый праздник!

А я читал дальше: «Ничего не было вкуснее ржаного посоленного хлеба (тесто обычно не солили) с чистой водой, если человек наработался. Запивали его молоком да простоквашей».

— Вот чего верно, то верно. Хоть и забыла, когда в последний раз ела ржаной хлеб, а запах из печи и вкус хлеба до смерти не забыть. А ноне такой пекут хлеб, что не только кошка и собака, а не всякий раз и ворона его клюет, прости меня, господи, грешную.

Когда я прочитал: «Запах озера и осоки, тумана и зелени приносит рыбак в дом вместе с рыбой. По утрам он старается успеть к пирогам...», мама мечтательно и грустно вздохнула:

— У нас истово было так. Даже и самой сейчас не верится. Бывало, начну катать пироги, смотрю — несет уже щучин. Озерцо почти сразу под окошком. Проедет с дорожкой от берега до берега и на пироги есть... Словно в сказке, а не наяву прошло...

После «Застольщины» В. Белова наш обед выглядел издевательски скудно. Паек по талонам давно съели и теперь варили суп из костей, которые народ называет шлифованными. Правда, цена все-таки божеская — 20—22 копейки за килограмм. А на второе кисловатые котлеты с неопределенным количеством мяса. Ну... и молоко, прозванное белой водой, после которого не

каждая хозяйка и посуду моет. Мама довольствовалась грузинским чаем с мякишем батона: черный хлеб желудок не принимал.

Ели молча. Чересчур много мыслей бродило после «Лада». Я смотрел на маму и отмечал, как быстро она стала стареть. Видимо, глядя на меня, об этом же думала и она:

— Волос-то поубавилось да и лицо поосело,— сообщила свое открытие.

— От возраста и дум.

— Какие могут быть думы, если за душой ни кола, ни двора. Дивья так жить. Вон сколько домов вокруг понаставили, и в каждом едят, а клочка земли и животинки никто не содержит. Я еще дивлюсь всегда — откуда хоть что-то в магазинах бывает...

* * *

«Искусство может быть в любом труде» — утверждает Василий Белов, но в своей аргументации опирается не на авторитеты, всемирно признанные, а на простых людей, практически создававших и создающих нравственно-бытовой уклад жизни — основу наших духовных ценностей. Он приводит в пример кузнеца Варфоломея Самсонова из деревни Пичихи Кадниковского уезда, столяра Ивана Афанасьевича Неуступова из деревни Дружинино и его брата печника Зосима Афанасьевича, мельника Ивана Тимофеевича Меркушева, животновода из колхоза «Родина» Осипа Александровича Самсонова и его соседа плотника Александра Степановича Цветкова, кружевницы Натальи Самсоновой...

Так, от Афанасьи Петровны Петровой и Анны Ермолаевны Коклюшкиной из Тимонихи автор «Лада» услышал свадебную песню жениха и в 1955 году записал ее. Нередки в книге и вот такие ремарки: «Слыша-

но автором в детстве от бабушки по отцу Александры Фоминичны», «Анфиса Ивановна рассказывает...» Конкретные фамилии, даты, названия деревень усиливают документальную оснащенность книги, ее жизненную убедительность.

Писатель обращается и к опыту деятелей литературы и искусства. Так, он благодарно ссылается на мнение реставратора и искусствоведа Николая Ивановича Федышина, который научно доказал, что «Дионисий свершил свой подвиг за одно лето, расписав собор с помощью сыновей». Ссылается он и на мнение мастеров слова, отразивших опыт народной жизни, имена которых современному читателю знакомы: П. Мельников-Печорский, Ф. Абрамов, В. Астафьев, К. Коничев, Б. Можаяев, В. Личутин, В. Солоухин, А. Яшин.

Связующей основой книги «Лад», однако, является авторская позиция, в которой концентрируется и обобщенный исторический опыт и свой личный, приобретенный в беспокойной жизни. И потому высказывания Василия Белова оправданно категоричны. Хотя бы это: «Корень слова «отдых» связан с дыханием. Отдохнуть — значит, перевести дыхание, успокоить сердце и мускулы. Иными словами, понятие «отдых» для крестьянина касается только тяжелого физического, а если не тяжелого, то монотонного, продолжительного труда вроде женского рукоделья. Отдыха в смысле полного бездействия никогда не существовало, если говорить не о сне, а о состоянии бодрствования. Тысячи людей, лежащих на пляже, с точки зрения даже нынешнего пожилого крестьянина есть ужасающая нелепость. И не потому, что люди лежат голыми, а потому, что просто лежат, то есть бездельничают». Людям эпохи НТР, наверное, эти мысли не очень понятны и привлекательны, но в них заключена правда не только вчерашнего дня.

Обращаясь к опыту классиков, Белов позволяет себе не во всем соглашаться с ними. Так, в одной из сносок он приводит строки из поэмы Некрасова и поясняет: «Н. А. Некрасов здесь во всем прав, кроме одного: резкого перехода от «гуляния» к труду не существовало, он был постепенным. Можно добавить, что труд считался благом, а не обузой». Здесь не надо искать непочтительности автора «Лада» к народному поэту — просто дает себя знать своеобразие жизненного опыта.

Любое талантливое произведение, а особенно с такой исторической перспективной, как «Лад», всегда социально. И не важно, что автор не считает себя социологом (в профессиональном значении этого слова). Писатель Иван Ефремов, глубоко социальный в своих фантастических произведениях, писал: «Судить не извне, а изнутри — основная заповедь социолога высших форм общественного устройства». Подобной заповеди отдал свою дань и Василий Белов. Ясно как день, что его книга «Лад» аналога не имеет. Уверен, всякий, кому посчастливится быть читателем этой светлой книги, станет возвращаться к ней снова и снова. И чем дальше будет уходить прошлое, тем дороже станет для нас художественный мир, созданный В. Беловым в его книге «Лад», — памятник тому ладу народной жизни, с которого начиналась Россия.